

ЛАУРЕАТ "РУССКОЙ ПРЕМИИ"
ПРЕМИИ имени Э. ХЕМИНГУЭЯ
ПРЕМИИ имени Н.В. ГОГОЛЯ

ВАЛЕРИЙ
БОЧКОВ

MAINSTREAM

EROS & THANATOS

ГОРГОНА

Валерий Борисович Бочков
Горгона
Серия «MAINSTREAM.
EROS & THANATOS»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63322071
Горгона: Т8 RUGRAM; Москва; 2020*

Аннотация

Я сбрила волосы. Ловким пиратским манером повязала чёрный платок. Нарисовала яркие губы, большие и слишком красные. Среди дочкиного хлама нашла круглые очки в золотой оправе. Стёкла были радикально розового цвета. Подмигнула своему отражению. Незнакомка из зеркала ответила: «Не узнала? Ида я, – ухмыльнулась она. – Ида. Я вернулась».

В моей прошлой жизни было событие, которое я мучительно вытравливала из памяти, но оно требовало возмездия. Я пыталась его подавить, заглушить, отринуть. В результате оно раздавило меня, меня прежнюю. На ее месте вдруг возникла Ида...

Содержание

Часть первая	4
1	7
2	15
3	17
4	24
5	31
6	36
7	38
8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Валерий Бочков

Горгона

«Горгона» Валерия Бочкова, замешанная на мощной символике античного мифа, на поверку оказывается остросовременным экином, а экин вдруг – тоже на поверку, более глубокую, глубинную – оказывается новым полифоническим мифом, в котором тема фуги – насилие и безнаказанность, а контрапункт – возмездие почти космическое».
Елена Крюкова

Часть первая

Планетарий

Оказывается, если сбрить брови, то весьма сложно изобразить на лице удивление. Да и другие эмоции тоже. К слову, именно в этом и заключается загадочность Джоконды – не в улыбке, а в отсутствии бровей.

Я тоже улыбнулась. Приблизилась вплотную к зеркалу. От дыхания на стекле появилось туманное пятно. На месте бровей остались бледные полосы, впрочем, едва заметные. Повернула кран, пустила воду. Сначала шла тёплая, потом холодная, после почти ледяная. Нагнувшись, я сунула голову в раковину. Струя туго била в затылок, волосы тут же

намокли, сползли вниз и прилипли к лицу. От холода череп онемел, казалось, он стал стеклянным. Я про то синеватое стекло из которого раньше отливали молочные бутылки.

Подо мной растекалась холодная лужа. Банное полотенце, на котором я стояла, постепенно промокло насквозь. Вода щекотными струйками стекала по ногам. Нарушая закон тяготения, забиралась под мышки. Я закрыла кран. Волосы за лето отросли, мокрые, они казались совсем чёрными. Пятёрнёй я расчёсывала их, зажимала прядь в кулак и отстригала под корень. Ножницы были тупые, я нашла их в глубине кухонного ящика – выяснилось, что в доме нет приличных ножниц. Ключья волос на кафеле напоминали мелких зверьков, мёртвых и мокрых.

Брить голову оказалось гораздо сложнее, чем ноги или подмышки. Особенно затылок – глядя в зеркало, не понимаешь в какую сторону вести руку с бритвой. Даже умудрилась порезаться – сбоку, над ухом. Взяла из коробки свежее лезвие, снова намылила голову и прошла ещё раз. Голый череп мне понравился – я видела его впервые. Круглый, без шишек и шрамов, красивый, как мраморный шар – качественный череп. Я осторожно провела пальцами по макушке: белая кожа была нежней шёлка, я даже всхлипнула от умиления.

– Как звать тебя? – я сделала шаг назад.

Определённо не Александра. Никак не Саша. И уж подавно не Шура. Я вглядывалась в лицо, пустое как контурный

рисуюнок. На уроке географии нам давали контурные карты, там нужно было пустые страны покрасить в нужный цвет – вот ведь бред. Постепенно я перестала узнавать себя. Чем дольше смотрела, тем меньше сходства находила. По ту сторону зеркала стояла незнакомая баба, поджарая и жилистая, похожая на смуглую пловчиху в белой резиновой шапке. Волосы на лобке выглядели неопрятным и неуместным пучком. Пегим от седины и упругим как моток тонкой лески. Я выдавила в ладонь шампунь, быстро намылила низ живота и всё там сбрила.

Из зеркала на меня смотрели равнодушные, почти неодушевлённые глаза. Совсем чужие – я-то всегда думала, что они у меня карие, оказалось, какого-то болотного цвета. Как цвет этот называют – ореховый, что ли.

– Кто ты?

С улицы, едва слышно, долетел вой сирены, тихий и беспомощный, как стон. Пустые глаза действовали на нервы. Я старалась не встречаться взглядом с той, в зеркале. И использованные бритвы вместе с обрезками волос завернула в полотенце. Концы полотенца завязала, сунула комком в пластиковый пакет для мусора. Туда же кинула ножницы. Выпрямилась, втянула живот, провела ладонями по бёдрам. Вполне ещё ничего – улыбнулась и подмигнула. Та, в зеркале, подмигнула в ответ.

– Ну что уставилась, сучка? Не узнала? Ида я, – ухмыльнулась она. – Ида. Я вернулась.

Тут я отпустила её. Пусть сама учится плавать. «Сучка» – вот тварь! На себя посмотри, бритая курва.

Ида не обращала на меня ни малейшего внимания.

Бесцеремонная стерва, звонко шлёпая босыми пятками, разгуливала по квартире. Из холодильника достала молоко, отпила прямо из пакета. Прошла в спальню. Распахнув шкаф, начала рыться в моих тряпках. Повязала чёрный платок, ловким пиратским манером, туго и без складок. Нарисовала яркие губы, большие и слишком красные – и откуда у меня такая помада? Может, Люськина – вот ведь засранка малолетняя! Иду такие пустяки, как воспитание детей, не интересовали. Среди дочкиного хлама она нашла круглые очки в золотой оправе. Стёкла были радикально розового цвета.

Майка с линялым языком «роллинг стоунз», трусы. Выяснилось, что Ида из тех дам, что не признают бюстгальтеры – я спорить не стала. Она натянула свитер, через тонкую ангору явно проступали острые соски. Ладно – твоё дело. Она влезла в тёртые джинсы, застегнула сапоги. Топнула каблуками в пол – всё!

Мне хотелось задержаться, ну хоть чуть-чуть. Хотелось найти какой-то предлог, чтобы ещё раз пройти по комнатам. Пальцами коснуться вещей, тронуть их напоследок. Сенти-

ментальная чушь – фыркнула Ида и сдёрнула с крючка мою кожанку. Не оглядываясь, вышла на лестничную клетку и захлопнула дверь.

В «хозмаге» выяснилось, что у Иды низкий голос, что она требовательна и нетерпелива – неожиданная смесь хамства с кокетством от которой мужики робеют по неясной причине. Она заставила продавца, мрачного парня с толстым лицом, тащить коробку со своими покупками (пятнадцать метров стальной цепи, слесарный молоток, два мотка бечёвки, пара строительных рукавиц) на стоянку. Захлопнув багажник, она закурила, сунула парню мятую купюру и села за руль. Вырулила на Проспект Мира.

В зеркале мне удалось поймать её взгляд. Я не курила уже пятнадцать лет, бросила, когда носила Люську. В моей прошлой жизни есть событие, которое мне почти удалось вытравить из памяти. Случилось это давно, к тому же я очень старалась. Свидетелей и участников тех событий я давно исключила из своей нынешней жизни. По крайней мере, мне так казалось.

Я выросла без отца. Моя мать, упокой бог её душу, рассказывала мне дивные истории: сперва мой родитель был персидским принцем, которого злой отец-падишах заставил жениться на какой-то тамошней принцессе. Разумеется, принц тайно был без ума от мамы. Она даже показывала мне дутый золотой перстень с куском полированной бирюзы и до четвёртого класса я не сомневалась, что мы обладаем сказоч-

ным сокровищем.

Ночами мне снились жёлтые барханы, из-за них миражами выплывали минареты и дворцы, зыбкие как пена, белые как сахар. Мне чудился сладковатый запах розового масла и имбиря. Я потела под периной: мой отец – седые пряди и белый камзол, трость (рубины в набалдашнике) в загорелом кулаке – встречал меня на мраморной лестнице. А в сентябре наша географичка, вернувшись с болгарского курорта, появилась в классе с точной копией маминого кольца да и ещё парой бирюзовых серёжек в комплекте. Сдержаться мне не удалось, я разревелась и выставила себя полной дурой на потеху всему классу.

Фантазия у неё была хоть куда, у моей матери. Не моргнув глазом она призналась, что на самом деле моим отцом был испанский музыкант. Да, он очутился тут на гастролях. Москва, Ленинград, ещё, кажется, Саратов. После выступления, в одном из ресторанов (каком? ну как же – в гостинице «Россия», там и был концертный зал) он увидел маму. Она уверяла, что он посвятил ей серенату в стиле фламенко. Она даже включала мне музыку – нервные гитарные переборы каких-то виртуозных испанцев, при этом сама прищёлкивала пальцами и, загадочно ухмыляясь, закатывала глаза.

Последней реинкарнацией моего таинственного родителя стал хирург из Сальвадора. Он проходил стажировку в Склифе. Моя мама поскользнулась (да, была зима, январь) и с переломом очутилась в травматологическом отделении. Как

только она пришла в себя... ну и так далее. К тому времени история моего появления на свет стала приобретать вполне банальные очертания.

Фотографий его я не видела. Омара Шарифа, вырезанного из журнала «Советский экран» и вставленного под стекло, в учёт брать не будем. Впрочем, внешность моего отца определялась весьма простым арифметическим способом – вычитанием. Если из меня вычесть мою мать с её средне-славянской раскосостью и русой невзрачностью, то в остатке получалось нечто жгучее, карее и вороное. Даже на новый год я выглядела весьма загорелой. Православная кровь с материнской стороны (преимущественно, из Рязанских земель) приглушила смоляную масть моего папаши, но это не спасло меня от школьных прозвищ, обидных и не очень: Сажа, Ворона, Маугли и под конец – Кармен.

К десятому классу я на голову переросла мать, приучила себя не налегать на косметику; после нескольких неуклюжих опытов со сверстниками перестала обращать на подростков внимание и переключилась на более взрослую часть мужской популяции столицы. Наука эта не обошлась без шишек и синяков. Иногда в самом буквальном смысле.

В нашем дачном посёлке тем летом появился красавец на мотоцикле. Он снимал скворечник у Соломы – глухой старухи Соломатиной, что жила у дальней просеки. Её забор упирался в сосновый лес, за лесом лежало люцерновое поле, которое обрывалось песчаным утёсом в Истру. Река тут глу-

бокая и быстрая. Говорят, прямо с этого обрыва лет десять назад бросилась какая-то доярка из соседнего совхоза. Тела доярки не нашли, причиной самоубийства стала – разумеется – несчастная любовь.

Мотоциклисту на вид было лет двадцать, может, чуть больше. Звали его волшебным именем – Алик Купер (настоящая фамилия выяснилась потом – Валиулин), он курил кубинские сигаретки «Монтекристо», короткие, без фильтра. От его кожанки воняло касторовым маслом, приторный гаванский дымок мешался с бензиновой вонью и одеколоном «Арамис» – ну как тут устоять, тем более, в пятнадцать лет.

Мы неслись через бор. Он гнал как маньяк. Старые сосны подступали к самой тропе, справа и слева мельтешили рыжие стволы. Дорога срывалась в бездну, а после снова летела в гору. Его «Урал» рычал, как истребитель, идущий на взлёт.

Остановились на опушке, в солнечных пятнах шустрила мошकारа, пахло тёплыми иглами, был полдень. Движок «Урала» остывал и металлически цыкал. Алик Купер скинул куртку в ромашки. Расстёгивая молнию на джинсах, бросил мне через плечо – чего ждёшь, трусы снимай. Мне к трём на электричку успеть надо.

Я растерялась. У меня были месячные, к тому же никак не ожидала столь резвого развития наших отношений. Ладно, давай тогда в рот, – он ухватил меня за волосы. Я приблизительно представляла как это делается, но личного опыта тогда ещё не было. К тому же меня взбесила его бесцере-

монность. Я предложила ему самому отсосать у себя. Купер остолбенел, открыл рот даже – у него оказались мелкие белые зубы, слишком много зубов, как у ископаемого земноводного ящера. Держа меня за волосы, Алик наотмашь ударил по щеке, и ещё раз – с другой стороны. После, схватив за воротник, разодрал до пупа мою блузку. Я рванулась вперёд, ногтями целилась в лицо. Он увернулся и ловко двинул меня в челюсть.

Очухалась я быстро, на опушке ещё стояла выхлопная вонь куперовского «Урала». Куда он меня завёз, я не имела ни малейшего представления. До посёлка добралась только под вечер. Губа распухла, на скуле наливался роскошный фингал. «Волейбольным мячом? – переспросила мать, – два раза подряд?»

Мне было плевать, что она не верит, меня трясло от ярости. Отомстить? Да, отмстить! Но как, как? Как отомстить, чтобы мерзавец-подлец-подонок на всю жизнь запомнил! Он запомнил – я хотела наказать его: тогда, наивная, я ещё не понимала, что месть – акт эгоистического характера и должна совершаться исключительно для себя. Эксклюзивно. Вроде мастурбации. А объект мести тут вообще имеет второстепенное значение. В акте мести гораздо важнее символизм. И, разумеется, личное удовольствие, а вовсе не инфантильное стремление кого-то проучить.

Я выждала две недели. Ночью пробралась на участок Соломатиной. Открыть калитку не составило труда, там даже не

было замка, так, ржавая щеколда. Мотоцикл мерзавца стоял у входа в скворечник, где квартировал сам мерзавец. Окна не горели ни в доме, ни у квартиранта. Было свежо и безлунно. С озера тянуло болотной тиной, оттуда волнами накатывал лягушачий хор. Где-то рядом удушливо благоухали пионы.

Через грядки, давя спелую клубнику, прокралась к мотоциклу. Прислушалась. Лягушки заливались от души. Я вся состояла из восторженных мурашек и нервного битого стекла, острого и невероятно хрупкого. Металл мотоцикла ещё не остыл, он был тёплым, как живое тело. Трепетной рукой отвинтила крышку бензобака, в нос шибануло бензином. Сунула внутрь палец, бак был полон до краёв. Тут я замешкалась. Не только из-за почти физического ощущения точки невозврата – ровно до этого момента я могла тихо вернуться, оставив сюжет без изменений, – нет, упиваясь визуализацией мести, я небрежно упустила один важный нюанс. Мне нужна была тряпка.

Жизнь гораздо логичней, чем нам кажется. То, что мы называем случайностью, не более чем закономерность, которую у нас не хватает смелости или ума распознать. Моя дачная история, сделав полный круг, поймала себя за хвост.

Задрав подол платья, я быстро стянула трусы. Скрутила их жгутом, один конец сунула в бензобак. Другой конец, чиркнув зажигалкой, подожгла. Рыжеватый огонь лениво полез вверх, пахло палёной тряпкой. Перескакивая через грядки, я добралась до калитки. В этот момент за моей спиной

грохнуло, точно кто-то с балкона уронил телевизор. Лимонная вспышка осветила кривой штакетник забора с моей крабьей тенью. Из тьмы выпрыгнули кусты сирени, стволы сосен грозно выпрямились и ушли в бездонную черноту.

Зрелище оказалось даже эффектнее, чем я ожидала. В бак «Урала» входит полтора ведра бензина. Почти двадцать литров. Я пряталась в кустах по ту сторону забора, когда из хибары выскочил голый Алик Купер. Следом в проёме двери показалась взъерошенная девица, тоже голая.

Бензин пылал синим огнём, бешеные языки взлетали выше вишнёвых деревьев. Мотоцикл в центре пылающего круга напоминал чёрный скелет какого-то жертвенного животного. Вокруг горела трава, горели грядки с клубникой, дымились мордатые пионы. Босой Алик метался, он кричал и матерился, умолял вызвать пожарных. Из дачи выползла сонная Соломатина, на старухе была белая ночная хламида и лыжная вязаная шапка с помпоном. Подруга Алика с интересом наблюдала за огнём. Она обмоталась простынёй как в бане и закурила.

Там, в кустах сирени, я впервые испытала полноценный оргазм.

Ида вдавила педаль газа и по диагонали ушла в крайний правый ряд. Стрелой. Так камикадзе заходят в последнее пике. Палевая «Тойота» шарахнулась от нас и едва увернулась от автобуса. Сзади и сбоку нервно засигналили.

– Через три полосы... – начала я.

– Иди в жопу, – перебила Ида. – Тебя больше нет.

И то верно, с облегчением подумала я. Мне и в голову не приходило, что исчезнуть можно так просто. Было немного жаль моего тела. За пятьдесят лет к нему привыкла, не то чтобы тело было каким-то особенным – эксклюзивным, как принято говорить нынче, нет, стандартное вполне тело и среднего качества – руки, ноги, голова, задница. Тело было обычное. Но зато моё.

Жаль было и мозга – моего. Тоже не весть какая ценность, да и качество рядовое. Что там внутри? – мусор по большей части: страхи, сомнения, всхлипы дрянных стихов, которые я никогда не решусь записать буквами. Что ещё? – немного любви к полужнакомым людям. Почти ноль – это к себе. К человечеству в целом – там уже показатели минусовые.

– Любовь... – Ида брезгливо фыркнула. – Мамаше твоей много через эту любовь перепало – ага!

– Она и твоя...

– Увы! – Ида включила поворотник. – Увы!

– Ну куда же ты? Куда? Там кирпич! Нет там поворота, надо через мост... а после под мостом на разворот... Ну как...

Ида злорадно прибавила газ и проехала под знак.

– Вот так! Я вообще считаю, что это ваше христианство угробило человека. Такие надежды подавал...

– Причём тут христианство?

– При любви твоей. К ближнему. К богу. Типичная диктатура.

– На дорогу смотри!

Мы чуть не сбили лысого мужичка с розовым чемоданом.

– А не надо в неподобающем месте! Вон – подземный переход, – весело ответила и без паузы продолжила. – Античный человек был героем. В его жилах текла красная и горячая кровь. Половина населения Эллады вела свою родословную от богов. Человек бросал богам вызов...

– Христианство спасло человечество, дав ему мораль. Твоя античность – сплошной инцест и зоофилия. Что там Дедал сконструировал, а? Кроме крыльев?

– Лабиринт?

– А ещё?

– А-а, ты про пустую корову! – Ида засмеялась. – Ну да, мы, женщины, порой тоже бываем непредсказуемы. И порой нами тоже овладевают экзотические капризы.

Что-то странное происходило с моей головой, она казалась лёгкой, почти невесомой. Как мыльный пузырь.

Начало этой истории обозначить не сложно. История началась со звонка в дверь. Я готовилась к вступительным экзаменам, жара в Москве стояла тропическая – всё было липким и тёплым, потным и клейким. Подлокотник кресла, письменный стол, мои ладони. Из открытого окна тянуло асфальтом, бензиновой вонью, горечью тополиных листьев. К этому лету деревья неожиданно вытянулись и уже доставали макушками до нашего этажа. В муторном мареве плавилась окна соседних домов, крыши недобитых особняков на Герцена, за ними маячили гигантские уроды Калининского, из сизого обморока Смоленской вылезал готический утёс МИДа. Садовое кольцо упруго гудело, монотонно и безнадёжно. Впрочем, с этим шумом я выросла и уже не обращала на него внимания.

В дверь позвонили. Мать была на дежурстве, я сама никого не ждала. В глазок, искажённый линзой, заглядывал незнакомый мужчина в белой шляпе. Он был непропорционально головаст и носат.

– Вы к кому? – я постаралась придать голосу грубость.

– К тебе!

Ответил он сразу, с весёлым напором.

– К тебе!

Я растерялась и открыла дверь.

Без оптических искажений мужик оказался вполне нормальным, не носатым и не головастым. Лишь отчаянно загорелым – до медной красноты. Так загорают дорвавшиеся шахтёры в сочинских здравницах, как в последний раз. Мужик снял шляпу, деликатным жестом приложил её к груди. Шляпа была из жёлтой соломки, такие раньше носили дачники, махнувшие на себя, и удильщики мелкой пресноводной рыбы. В другой – левой руке – мужчина держал за горлышко бутылку «токайского». Во время возникшей паузы, я попыталась пристроить его лицо в какую-нибудь из ячеек моей памяти: школа, дача, двор, дом. Всё мимо.

– Ну ты что? – задорно улыбнувшись, он подмигнул. – Не узнала?

Может, чей-то папаша? Из класса? Вместо уверенного «нет» я что-то проблеяла. Отчего-то люди впадают в смятение в таких ситуациях, даже по телефону я буду судорожно соображать с кем разговариваю, вместо того чтобы в лоб спросить – кто это?

По возрасту он вполне попадал в категорию мамашиних идальго. Не так чтобы их была армия, её кавалеры тасовались с незначительными интервалами. Иногда появлялись новые, но этого я точно не видела. Хотя, гость явно был её фасона: гнедой масти с сединой, он походил на раскаявшегося конокрада – определённо её тип.

– Ну? – конокрад шагнул в прихожую, я отступила. – Так и знал! Всё переставили.

Сказал с шутливым укором, оглядывая убогие стены с крючками и вешалкой, с линялым плакатом какой-то бледной японки в кимоно, рекламирующей что-то японское. Я хотела ответить, но мне вдруг стало не по себе: так бывает во сне, когда некий человек вдруг обретает черты знакомого, причём, осознание это происходит не на зрительном уровне, а через какое-то звериное чутьё. С роковой неотвратимостью и до мурашек.

Я вглядывалась в его лицо и постепенно узнавала. Узнавала, хоть никогда и не видела. Весёлый кареглазый прищур этот. Представляла тысячу раз и встречу, и его самого рисовала в воображении, а тут он собственной персоной – держит в руке дурацкую шляпу, выставив указательный палец с голубоватым ногтем. И ещё вот – дурацкая бутылка вина.

Неумеренное и фривольное использование выражения «как во сне» девальвировало его истинную суть в нашем восприятии, сама я могла бы отметить всего лишь два случая (да, только два – и это за всю жизнь) – этот и ещё один, случившийся через тридцать шесть лет.

Больше всего состояние походило на потерю рассудка. Так, по идее, люди сходят с ума. На твоих глазах происходит нарушение законов физики и логики, здравого смысла и привычного мироустройства. Твой мозг не понимает, что делать с полученной информацией, как новые факты воткнуть в модель привычной вселенной. Воткнуть, не нарушив баланса. Это сейчас, спустя столько лет, просто анализировать

процесс, а тогда – тогда, в духоте полутёмной прихожей, – то был как пинок в солнечное сплетение. С радужными кругами в глазах, холодком на затылке от встающих дыбом волос. С тихо уплывающим из-под ног полом.

Пространство сна переместилось на кухню: вот мы сидим и пьём тёплое вино из чайных чашек – красных в белый горшок из магазина «Балатон». У нас на кухне всё красное или белое, у матери бзик на эту тему, даже занавески она сама сшила из белого ситчика с красными рюшками. Гость сидит на подоконнике, за ним в распахнутом окне гремит полуденная Пресня, раскалённая до белого марева. К тёплой вони машин и асфальта примешивается дикий звериный дух. Это смердит зоосад – он всего в двух кварталах.

Я сижу за столом, квадратный кухонный табурет немилосердно впивается острым краем мне в ягодицу. Гость называет меня Таськой, я не возражаю, хоть это и не моё имя. Я слушаю его и придурковато улыбаюсь – мне очень хорошо. Даже обручальное кольцо на его пальце меня не очень расстраивает.

Будь я постарше или поопытней, я бы заметила, что гость уже явился подшофе, да и сейчас он подливал в свою чашку (что-то цвета крепкой заварки) из плоской карманной фляжки, которую каждый раз плотно закручивал стальной крышкой и снова прятал в карман своих вольных штанов из белой парусины. Весёлость гостя передалась и мне, отхлёбывая тёплое вино, я поддакивала и хихикала. Не то чтобы он шу-

тил или острил, вся его речь, его жесты – всё было будто заряжено током, наполнено живой страстной энергией. Он был в кураже. Так ведут себя персонажи Достоевского, прежде, чем сунуть миллион ассигнаций в камин или выкинуть ещё какой-нибудь фортель.

Он говорил не переставая. Курил и стряхивал пепел в раскрытое окно за спиной. Туда же, не глядя, ловким щелчком отправлял окурки. Выстреливал бычок и тут же закуривал новую сигарету. И снова говорил. Было ощущение, словно я вошла в кино на середине сеанса – неожиданно выяснилось, что он майор авиации – вертолётчик – и что в Москву приехал на медкомиссию. До этого служил в Прибалтике, от Риги двести километров, вот где была жизнь! – рыбалка и охота, грибы – вокруг аэродрома за полчаса целое ведро боровиков, крепких, во! – с кулак. А сейчас, третий год уже, в Афганистане. В Афгане – сказал он, словно выругался матом.

Тамошняя война уже ни для кого не была секретом, но мне она представлялась чем-то архаичным и не совсем настоящим, смесью «Багдадского вора» и «Белого солнца пустыни». С неопрятными боролатыми разбойниками в тюрбанах на фоне терракотовых утёсов и ультрамариновых небес. Боевые вертолёты никак не вписывались в ту синь.

Оказалось, что там были ещё и танки. Наши танки. Которые нужно было прикрывать с воздуха. И поскольку авиации у душманов нет, то особой опасности эти операции не представляли. Для лётчиков. Пехота, десант и танкисты – дру-

гое дело. Но вот несколько месяцев назад у духов появились «стингеры» – компактные американские ракеты, которые запускаются с плеча – да такие простые, что даже мартышка запросто попадёт в цель.

– Труба, курок и прицел! – майор звонко хлопнул в ладоши. – Бац! И нету крокодила!

– Крокодила?

Я узнала, что «крокодилом» называют те вертолётёты, на которых он летает. Ми-24. Ещё их называли «напильник». Это новейшие модификации, лучшие в мире, даже американский «апач» не дотягивает по вооружению, не говоря уже про средства защиты. Они были разработаны специально для боевых действий в горах. Прошлым летом два таких вертолётёта попали к американцам, их угнали в Пакистан, причём, угнали свои же афганцы-союзники, два пилота, которые учились в Омском лётном.

– Вот гады! – тихо возмутилась я.

Майор замолчал на полуслове. Закопанный шум вполз на кухню с горячей гарью выхлопного дыма, гомоном моторов, клаксонами, призрачной музыкой из зоосада. Вдали комариным пунктиром взвыла сирена скорой помощи.

– Да нет... – он смотрел поверх меня и куда-то вдаль, хотя за моей головой была стенка. – Мы там сами с собой воюем. Со своим страхом воюем. Солдат умирает легко, он, как ребёнок, – всему верит. Он за Христа или Маркса, за светлое будущее человечества – только прикажи. С криком ура... А

вот когда вместо веры пустота, вот тогда страшно. И пустота эта как бездна, как...

Он вынул из штанов фляжку, сделал торопливый глоток. Сирена взвыла ближе, громко и настырно. Майор оглянулся, держась за подоконник, вытянул шею.

– Я через семь месяцев в отставку могу – по выслуге... Но это же семь месяцев – семь, понимаешь? Шансов выжить... Шансов – их очень мало. Почти нет. Вот я пытался комиссоваться, но ведь эти сволочи в Москве, они ж... Им же...

Он сказал это без злости, скорее, безразлично, а когда запнулся, устало махнул рукой, точно уже устал повторять одни и те же слова.

– Слышь, Таська, – он оживился, – а давай чаю заварим? А?

К этому моменту моя чудесная эйфория выдохлась и сменилась меланхолией. От его историй и тёплого вина, от табачной воню и московской жары я вконец осовела. Чай, да, конечно. Я подхватила с плиты чайник (красный, гэдээровский, со свистком), сунула под кран. Пустила воду. Неожиданно на кухне посветлело, словно кто-то распахнул занавески. Я повернулась.

Майора звали Сергей Коршунов. Он никогда в жизни не встречался с моей матерью. Он ошибся подъездом и вместо третьего попал в наш четвёртый. Дело в том, что первый подъезд выходит на Баррикадную, а все остальные во двор. По сей день благодарю бога, что грохот воды заглушил удар тела об асфальт. А вот бабий визг, раздавшийся снизу чуть позже, шум воды перекрыть не смог, и этот вопль до сих пор гуляет по закоулкам моей памяти, словно заблудившееся эхо.

Когда приехала милиция, я так и стояла у раковины. Вода хлестала через край, растекалась лужей по линолеуму. Тонкий ручеек уже отправился через коридор к входной двери. Бесконечной трелью дребезжал звонок. Примчалась из больницы мать. Она и открыла дверь. Меня отвели в комнату и усадили на диван, сама я не могла двинуться с места. Милиционер, а после какой-то следователь в синем костюме, расспрашивали меня и что-то записывали.

Своих ответов я не помню совершенно. Помню меня дико знобило. Когда я пыталась говорить, зубы клацали, а слова прыгали и выходили слишком длинными и не всегда понятными. Я сжимала ладонями лицо, точно оно могло развалиться на куски. Это напоминало тряску, точно мы гнали по нашей брусчатке, которая осталась на спуске у высоты,

что у нового метро.

На меня натянули мамину кофту, ту – из малиновой шерсти, с клоунскими рукавами – мать периодически распускает её и вяжет снова, но каждый раз получается очередное недо-разумение. У матери определённый дар в производстве шерстяных уродцев: даже элементарный шарф у неё получается кривобоким и напоминает не человеческий прямоугольник, а карту какой-нибудь Италии.

Потом мне дали две таблетки димедрола. Потом ещё одну.

Когда я проснулась был уже вечер какого-то дня. Обычно сон сглаживает предыдущие события. Отодвигает их в прошлое, делая не столь значительными и драматичными, как накануне. Сейчас так не произошло. Я проснулась в той же агонии. Скрюченная и на том же диване. Клетчатая диванная обивка воняла собачьей шерстью. Собаки у нас в жизни не было. Натёртая щека горела, как ожог. По замызганному паласу цвета охры от окна через всю комнату вытянулась полоска закатного пыльного солнца.

Я очнулась с тем же чувством ужаса и абсолютной растерянности. Нет, даже не растерянности – потерянности. Я не знала, как жить дальше: как встать с дивана, как пойти на кухню, как выйти во двор. А главное – зачем.

Было чувство, что я провалилась в какой-то зазор. В некую невидимую щель. Недаром меня с детства так пугали эти грохочущие межвагонные переходы, эти сцепки между тамбурами, с гремящим адом колёс, мельканием шпал и си-

ниями рельсов под самыми ногами.

Солнечная полоска доползла до стены и, сломавшись, высветила дверь буфета и полку с хрустальной посудой, которую мать выставляла лишь на праздники – четыре бокала для шампанского, водочный графин, стеклянная корзинка «баккара» и салатница, похожая на корыто. Выше стояли книги – макулатурный трёхтомник Пушкина в переплёте цвета запёкшейся крови, сборник Зощенко, некто Сомерсет Моэм (которого я отродясь не читала), растрепанный том рассказов О’Генри – этого я знала наизусть. Разумеется, «Дары волхвов», в конце рассказа мне всегда хотелось плакать. Я закрыла глаза, пытаюсь вспомнить последнюю строчку, но вместо этого тут же увидела распахнутое настежь окно и пустой подоконник.

Звякнул входной замок. Хлопнула дверь. Мать прошла по коридору, тяжело бухнула что-то на пол. Сумку с продуктами, наверное. Весь архив привычных кухонных звуков – стеклянных, оловянных и прочих: блюдце и чашка, вода из крана. Мать, напевая что-то себе под нос, открыла холодильник, нервно задрезбуждали бутылки. Вот зашуршало-зашелестело, должно быть бумага. Холодильник проснулся и натужно затарахтел, мать захлопнула дверь.

Она беззвучно вошла. Кружка в руке, босая поступь по ковру. Остановилась надо мной, наклонно и укоризненно. Раньше я не замечала какие у неё толстые колени. Скучные крестьянские колени – мягкие и сытые.

Экзамены через две недели – сообщила мать равнодушно, без особой укоризны. Она всегда так начинает – кротко. Предложила чаю. Мне смертельно хотелось в туалет, я думала, что прямо сейчас обоссусь. Или у меня лопнет мочевого пузыря. Но я неподвижно лежала на боку, подсунув ладонь под щёку, и смотрела на толстые коленки матери.

– Ты уже передумала поступать? – спросила она безразлично.

И отхлебнула из кружки.

– Только учти, – тут в голосе появилась жёсткая нота, – денег от меня – больше ни рубля.

Я зажмурилась. У меня перед глазами стояло распахнутое настежь кухонное окно.

– И вообще я считаю, – настойчиво продолжила мать, – тебе нужно работать. И не только из-за денег. Хотя и это тоже. Поработаешь год или два. Жизнь понюхаешь, а потом и решишь куда поступать. И зачем. Да и нужно ли. Вот я в твои годы...

Она начала что-то врать, я уже не слушала. Я не могла понять, как она может вот так спокойно рассуждать, и не просто говорить, а болтать о ерунде – о каком-то институте, о работе. О деньгах. Ведь, там, на кухне, на проклятой кухне, там – распахнутое настежь окно. Там пустой подоконник, совершенно, абсолютно пустой... Как?

– Как? Как! – перебила её я. – Мама, как ты можешь? Ведь человек... человек...

До неё не сразу дошло, о чём я. Она удивилась, а после недовольным, почти рассерженным голосом, оборвала меня:

– Александра! Что ты несёшь? Какая трагедия, о чём ты! Ты знаешь, сколько у нас умирает в больнице людей? И каких! Знаешь? Вон в ту среду – Герой социалистического труда, учёный! А сейчас в реанимации у нас артист Коровин – да-да, тот самый! – и его шансы не очень велики... А тут – пьянчуга вывалился!

– Мама! Пожалуйста...

– Что – мама? Мне в милиции сообщили, капитан – конфиденциально, от него и жена ушла, и дочку забрала. Да-да, вот так!

– Мама!

– И вообще он чуть ли не дезертировать собирался. Приехал на медкомиссию...

– Мама! – я зажала ладонями уши. – Прошу тебя... не надо... прошу...

У меня не было ни слов, ни сил что-то объяснить ей. Как растолковать самому близкому человеку на свете вещи элементарные и очевидные? Если этот человек сам не видит и не понимает – не чувствует – как?

– Он вполне мог что-нибудь украсть... – мать понюхала кончики своих пальцев, сморщилась, понюхала снова. – Украсть. Или поджечь квартиру. Или тебя изнасиловать. Знаешь, сколько придурков там ходит!

Я уже не возражала. Я впала в какой-то транс – во мне

росло ощущение, что меня кто-то загипнотизировал. И теперь этот кто-то показывают абсурдные сцены. На моих глазах происходит превращение: самый родной человек трансформируется в чужака. Не просто в незнакомца, а чуть ли не во врага. Мне даже показалось, что кожа на её лице стала другой – бледной и какой-то гладкой. Как пластмасса. И даже тошнотворный запах её «Мажи Нуар» не убеждал, что это моя мать.

Возможно, когда-нибудь ужас случившегося сгладится, но сейчас он был внутри – огромный, шершавый, чёрный. И то самое чувство тотальной беспомощности и абсолютной необратимости, как тогда на кухне. Полный паралич, словно я была набита под завязку мокрым песком. Не могла же я в самом деле признаться матери, что приняла его за отца. И какая-то упрямая часть меня продолжает так считать.

К тому времени комната погрузилась в рыжие сумерки. Солнечный треугольник на потолке из золотого стал серым и почти погас. Мать стояла по самое горло в вязком ржавом сумраке. Она была в метре от меня, на расстоянии вытянутой руки. Я запросто могла дотронуться до неё, но вместо этого я закрыла лицо ладонями и беззвучно заскулила. Мне хотелось выть в голос, хотелось рыдать – отчаянно, по-детски, размазывая слёзы по лицу. Но присутствие посторонней женщины сдерживало.

Слёзы, вопли и стоны, распиравшие меня, я выдавливала без единого писка. До того мне казалось, что беззвучный

плач это просто фигура речи. Облегчение, чуть ли не бла-
гость, накрыло меня – я вдруг почувствовала как что-то тёп-
лое течёт по моей ляжке, щекотно сбегает струйками вниз
по бедру и растекается подо мной тёплой лужей.

Если вы женщина среднего возраста и вам вдруг понадобится кого-нибудь убить, нет лучшего инструмента, чем обычный молоток. Любая хозяйка время от времени забивает гвоздь. Или отбивает свинину для шницеля. Значит, определённая сноровка уже есть. К тому же стукнуть молотком в темечко гораздо проще, чем воткнуть нож в живую спину или в мягкий живот. Мнение личное, на котором я не настаиваю.

Мы выехали из Москвы. Удивительно, но Иду ни разу не остановили. Позади остался Лосиный остров и Мытищи, у Пушкино мы чуть не застряли в пробке. Ида в последний момент, сразу после Тарасовки, нырнула на Староярославское шоссе, после свернула ещё раз налево. Минут сорок плутали по убитым деревенским просёлкам. Ида сердилась. Зло крутила баранкой, объезжая ямы. Мы гнали мимо кривых заборов, над которыми нависали бесстыже румяные яблоки, на лавках сидели мрачные старухи советского разлива, тут же в пыли возились дети и дремали лохматые собаки. Иногда, словно муляж, над макушками деревьев показывалась новенькая колокольня с только что позолоченной маковкой. Вокруг купола, как силы зла, кружили неизбежные вороны. Снова на Ярославку мы вырулили у деревни с кокетливым названием Кощейково. Ида сунула сигарету в рот, при-

кусила фильтр зубами и вдавила педаль газа. Дорога вытянулась и перестала вилять. Вдоль шоссе поплыли неопрятные подмосковные леса с блёклыми березовыми рощами, изредка к обочине подступали скорбные деревни, чахлые огороды и пыльные низкорослые сады. Иногда вдали вспыхивала речка или пруд с куском отражённого неба, тоже бледного и, будто полинявшего за три летних месяца. У придорожных шалманов, похожих на ярко раскрашенные сараи, толпились заляпанные глиной грузовики с большими грязными колёсами. Тут же деревенские бабы торговали чем-то из белых эмалированных вёдер.

По обочинам попадались легковушки грибников. От греха подальше шофёры загоняли машины в самую траву, почти в кювет. Мимо, как гигантские болиды, проносились мощные фуры. Ида съехала на обочину, затормозила. Вышла, обошла машину. Вытащила из багажника новенький молоток. Захлопнула крышку и, помахивая молотком, пошла в лес.

Шум шоссе стал тише. Наверху в деревьях свистели неугомонные птицы. Ида подняла голову – нет, не видать птиц. Такие крошечные, а шуму на всю округу. Лес был смешанным: дохлые осины и берёзы, сосны да кривые ёлки. Из травы там и сям торчали сомнительные шляпки неизвестных грибов, блеклые и наверняка ядовитые.

Ида вышла на поляну, в центре росла большая сосна. Мощное красивое дерево с мускулистыми ветками и высо-

кой кроной, будто с картины какого-нибудь Шишкина – и как оно оказалось тут, среди худосочного мелколесья? Ида подошла, ладонью провела по шершавому рыжему стволу.

Солнце выскользнуло из-под облака, трава вспыхнула и ожила. Рваный край облака загорелся расплавленной ртутью. Озарились и ожили макушки берёз, по ним пробежала мелкая золотистая дрожь. Тени загустели, стали тёмно-синими.

Ида отогнала мошку от лица, прищурилась. Поигрывая молотком, она отошла на шаг от сосны, после, плавным движением, занесла молоток над головой и с силой ударила в центр ствола. Звук вышел глухой, утробный. Дерево точно проглотило звук. На коре остался едва заметный кружок.

Ида размахнулась и ударила снова.

Она старалась попасть в то же место. Не получилось – второй удар пришёлся чуть ниже. Ида стукнула ещё раз. И ещё.
– Сильней! – не сдержалась я. – Бей сильней!

Она сделала шаг назад и стукнула снова.

– Бей! – крикнула я. – Бей! Бей!

– Заткнись! – Ида рывкнула и ударила опять.

И ещё раз. Солнечные очки мешали, она сорвала их и бросила в траву. Она была молча и ожесточённо. Старательно вкладывая в каждый удар всю силу. Сила, как выяснилось, ещё была. Струйка пота стекла по виску, Ида сорвала платок, скомкав, вытерла лицо и бритую голову. В этот момент она спиной ощутила чей-то взгляд. Медленно опустив молоток,

повернулась.

На краю опушки, среди солнечных пятен, стояла девчушка лет восьми с огромной плетёной корзиной. На ногах у девочки были высокие сапоги из ярко-жёлтой резины.

– А зачем вы в дерево стучите? – спросила девочка. – Ему же больно.

Ида растерялась, она шумно дышала ртом и думала лишь о том, насколько омерзительным может быть жёлтый цвет. Тогда заговорила я:

– Ты кедровые орешки любишь?

Она неуверенно кивнула.

– Вот! Их так собирают. Стучат молотком в ствол, а шишки падают.

Девочка посмотрела вверх, после на меня.

– Это же сосна, – и добавила. – Вы, наверное, меня обманываете.

– Вот ещё засранка... – проворчала Ида. Я, перебив её, быстро вставила, – ты права, дело не в шишках.

Девочка подумала и сказала серьёзно:

– Вы ведь сигнал подавали?

Тут я растерялась.

– Кому?

– Им... – она головой показала вверх.

Небо вдруг потухло. Солнце ещё мгновение пыталось прорваться сквозь дыру, зажигая рваный край облака, но воздух быстро густел и желтел, пока всё вокруг не стало плоским

и скучным, будто пыльным. По верхушкам берёз пробежал ветер. И это было точно какой-то тайный знак нам обоим – девочке в сапогах и мне. Ну и Иде, конечно.

Ида уже один раз спасла меня. Давно, ещё в прошлом веке. Без неё, думаю, я бы до сих пор куковала в психушке. Или стала наркоманкой, как Танька Федотова, которая начала с «Интуриста» и «Метрополя», а закончила с таксистами и дальнобойщиками. Феде было тридцать два, когда её нашли в районе Южного порта в мусорном контейнере с перерезанным от уха до уха горлом. Должно быть Танька напомнила кому-то из клиентов его маму. Или бывшую жену.

Тем давним летом, в тот страшный июнь, когда за одни сутки я потеряла придуманного отца, а мать оказалась злой и на редкость чужой женщиной, это не вертолётчик Коршунов, это я разбилась вдребезги. Вроде новогоднего шара, упавшего на пол с макушки ёлки. Тем летом я представляла из себя даже не набор фрагментов, а мусор, не подлежащий ремонту.

Вот тогда и появилась Ида. Она проснулась и попросила меня не вмешиваться. Прагматичная и дерзкая до грубости, эгоцентричная до мизантропии, бездушная и капризная стерва. Думаю, она возникла как защитная реакция моего заклинившего мозга. Стала чем-то вроде предохранителя в электроприборе.

Кстати, доктор Хетагуров, любезный мой Роман Ильич из больницы на улице Восьмого марта, куда я всё-таки загремела (но чуть позже и по другому поводу), отчасти согла-

силлся с моей электрической теорией. Успокоив, что мой диагноз, вопреки расхожему заблуждению, никакого отношения не имеет к шизофрении, он определил моё состояние, как диссоциативное расстройство идентичности – психическое расстройство, при котором механизм психической защиты включается в результате эмоциональной травмы. Не в силах справиться с эмоциями, жертва травмы как бы уходит за кулисы, а на сцене появляется дублёр. Кто-то вроде каскадёра, который играючи прыгает с моста, бесстрашно лезет в горящий дом, скачет беззаботным козлом по крышам летящих в пропасть вагонов. А ты сам наблюдаешь за происходящим вроде как со стороны. В бедствиях и катастрофах участвуешь уже не ты, а кто-то другой. Весьма удобно, если не принимать во внимание вариант, когда каскадёр настолько входит в кураж, что убрать его со сцены можно лишь при помощи медикаментозной терапии с использованием мощных антидепрессантов вроде дофамина или серотонина.

Но тем летом Ида явилась в качестве ангела-спасителя. Точнее, спасателя. Если бы в ангелы набирали из пресненской шпаны или хулиганья с Тишинки. Ни на какой истфак пединститута имени Ленина она, разумеется, поступать не собиралась. Никакая античная мифология её не интересовала в принципе. В отличие от меня, Ида матери не дерзила, она просто перестала её замечать.

Главной достопримечательностью нашей округи, безусловно, считается зоопарк. Второе место я бы отдала вышке, готической башне с золотым шпилем и рубиновой, почти кремлёвской, звездой. Дом одновременно похож на замок и на торт. К слову, там, в восточном крыле, на двенадцатом этаже живёт Лялька Дубровская, её папаша играет в каком-то симфоническом оркестре и постоянно мотается по гастролям. Лялька по-утиному губаста, у неё тонкие волосы цвета пыли, она плоская, как доска, но зато её шкаф забит под завязку фирменным тряпьем. И когда она появляется в своём голубом джинсовом костюме «левис», все мальчишки прячутся на неё, явно не придавая значения её утиности и абсолютному отсутствию сисек.

Пару раз я бывала у них дома. Это напоминало телепортацию в другой мир: вот ты шлёпаешь по Красной Пресне, – вот метро, тут же пирожки с капустой за пятак, эскимо на палочке и другие скромные пионерские радости, но вот открывается дверь, ты делаешь шаг и оказываешься в дивных интерьерах с бронзовыми люстрами под потолком и таинственными натюрмортами в музейных рамах на стенах. Бесшумно шагаешь по мягким коврам в турецких узорах цвета горького шоколада; в углу важно тикают часы в дубовом футляре – золотые гири висят на цепях, мерно раскачивается

маятник — тик-так, тик-так, — ты проходишь высокими комнатами, там вся мебель морёного дуба и на резных львиных лапах, а на окнах версальские портьеры в бахроме и золотых рыцарских гербах. И за окнами не жухлый тополь и стена соседнего дома с бельём на балконных верёвках, а образцовое небо с безупречными облаками.

Там, у Дубровских, даже пахло по-особенному — так пахнет тёплая сливочная тянучка (если вы когда-нибудь варили сгущёнку в банке, то вы в курсе). Никакую сгущёнку Дубровские конечно же не варили, там по всем комнатам благоухало настоящим английским трубочным табаком. Негромко играла музыка, все говорили ласково и улыбались, словно именно тебя ждали весь день. От всего этого становилось на душе тихо и радостно, но и грустно до боли, потому что было ясно как божий день, что никогда в жизни я так жить не буду. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Что пиком моего бытового успеха будет красный чайник со свистком из магазина «Балатон» и коврик из цветной соломки производства дружественной республики Вьетнам.

У Дубровских даже болонку выгуливала домработница Галя. Я никогда так и не узнала, сколько у них комнат в квартире. У Ляльки была своя комната, был кабинет отца, родительская спальня, была ещё большая комната, которую называли то столовая, то гостиная. В той комнате, помимо обеденного стола на восемь человек, в одном углу стоял рояль, а в другом — арфа. Вы когда-нибудь бывали в квартире, где

в углу стоит настоящая арфа?

Но вернёмся к достопримечательностям. Третьей я бы назвала планетарий. Он напоминает гигантский стальной шар, сияющий купол которого выглядывает из лохматых лип небольшого сквера, разбитого вокруг. Пару раз наш класс водили туда на урок астрономии. Внутри планетарий похож на круглый кинотеатр, только без экрана. В центре зала стоит будка из которой торчит труба большого диаметра, что-то вроде пушки.

Свет погасили и из этой трубы полился свет. Случилось чудо – потолок исчез, вместо него над нами повисло бездонное звёздное небо. Некто невидимый важным голосом начал объяснять как найти созвездие Орион, где располагается Кассиопея и что делать, если у вас отказал компас ночью в открытом море.

Сначала звёзды и планеты действительно походили на настоящее небо. Но уже через минуту, когда глаза привыкли к темноте, стали видны швы на тряпке, обтягивающей купол. Кое-где сквозь холст проступала арматура, в районе Большой медведицы темнело пятно от протечки на крыше. Пафос лектора, его поучительный тон, вкупе с откровенной фальшью и дряхлостью небесной сферы делали происходящее глупыми и даже стыдным. Что-то похожее я испытала, когда у нашей математички разошлась молния на юбке и она ещё пол урока писала свои уравнения на доске и пугала нас предстоящей городской контрольной, не подозревая, что те-

перь всему десятому «Б» доподлинно известно, что сегодня на ней розовые трусы в мелкий белый горошек. Ни математику, ни математичку я особо не любила, но тогда, сама не знаю почему, я сидела опустив голову, точно это моё нижнее бельё выставили на потеху всему классу.

Рядом с планетарием, на Садовом кольце, находится комиссионный магазин. Или попросту «комок». Он расположен на первом этаже сталинского жилого дома и состоит из двух секций – одежда и аппаратура. Всем известно, что лучший товар до прилавка не доходит – ни одежда, ни аппаратура. К двери с табличкой «приём товаров на комиссию» тянется очередь с коробками и пузатыми сумками. В глубине комнаты за прилавком сидит лысый человек с брезгливым лицом – оценщик.

Это он решает взять у вас товар или нет. И сколько денег вам за него дать.

Некоторые, услышав цену, отказываются. Некоторым кажется, что их японский двухкассетный магнитофон или финские сапоги на «манке» должны стоить гораздо больше. Именно так показалось и тёте Свете – матери моей подружки Ленки Дудник.

Она, не Ленка, а тётя Света, пошла в комиссионку сдавать магнитолау «Грюндиг». Совсем новую, в коробке. Не знаю, сколько ей предложил тот лысый за прилавком, но цена Лениной матери не понравилась. К тому же, на подходе к комиссионному, к ней подкатил вкрадчивый человек, моло-

дой, но интеллигентного вида, в замшевом пиджаке и модных дымчатых очках. Он предложил купить магнитолу. Прямо тут – и даже показал толстую пачку червонцев. Добавив, между прочим, что настоящую цену в магазине не дадут, а припрячут для своих под прилавком. Да ещё и в очереди придётся потолкаться.

Всё так и вышло. Сорок минут в очереди и всё впустую. Огорчённая тётя Света вышла из магазина, её немного смутило объявление на дверях: «Торговля с рук является спекуляцией и карается по закону». И слегка насторожил сонный милиционер, прохаживающийся по тротуару между остановкой троллейбуса маршрута «Б» и столбом светофора у пешеходного перехода через Садовое кольцо. А тот интеллигентный парень в дымчатых очках словно поджидал её, он сочувственно улыбнулся – мол, я же предупреждал. Сколько, кстати, давали? – спросил вежливо, но без особого интереса. Тётя Света ответила. Парень засмеялся и предложил в два раза больше.

Они отошли к углу здания. Парень вытащил из кармана ту самую пачку червонцев, отсчитал нужную сумму. Всё правильно? – спросил. У тёти Светы вспотели ладошки, она быстро закивала как китайский болванчик и передала ему коробку. В этот момент милиционер проснулся и неожиданно направился к ним. Парень торопливо сунул пачку купюр тёте Свете, подхватил коробку с магнитолой и рванул в сквер. Тот, что перед планетарием. Тётя Света спрятала

деньги в сумку и припустила в сторону Маяковки.

Шла не оглядываясь. Мимо овощного, мимо бакалеи, мимо посольства Пакистана. На углу Садовой и Красина была булочная. Она заскочила туда, перевела дыхание, поглядывая сквозь стекло витрины на улицу. После открыла сумку, достала деньги. Настоящими червонцами оказались всего лишь две купюры – сверху и снизу. Между ними была пачка аккуратно нарезанной бумаги.

Тётя Света провела в булочной минут двадцать. Она разглядывала бумажки, щупала их. Они были плотными и маслянистыми, как настоящие новенькие деньги, но совершенно пустыми. В конце концов она сунула всю пачку в сумку и направилась обратно к комиссионному.

Разумеется, парня в дымчатых очках там не было. Тогда она подошла к милиционеру. Тот строго взял под козырёк.

Нет, он её не помнит. И парня в очках не помнит.

Тётя Света возмущённо сунула под нос милиционеру пачку липовых червонцев. Милиционер долго разглядывал бумажки, цокал языком и хмурился. Это называется «кукла» – сказал он наконец. Вас обманули. Вы стали жертвой мошенника, статья такая-то, срок от трёх до пяти.

– Вы можете его поймать и вернуть мой «Грюндиг»? – обрадовалась тётя Света.

Милиционер тоже чему-то обрадовался. Конечно – поймем и вернём! Вам только нужно написать заявление. Кстати, и отделение милиции буквально в десяти минутах, в Пер-

вом Садово-Кудринском переулке. Единственная заковыка, нам придётся одновременно возбудить дело против вас. По факту торговли с рук. Что является спекуляцией и проходит по статье такой-то и карается сроком от двух до шести лет в колонии общего режима.

– Вы там на дверях объявление видели? – спросил милиционер лукаво.

Странно, но то лето осталось в моей памяти выпукло и объёмно, с деталями и совсем неважными штрихами. Я отчётливо помню пустяки, вроде тёплого запаха утренней московской пыли, горьковатой, с примесью вчерашней машинной гари. Или колючего вкуса ледяной газировки с двойной порцией мандаринового сиропа – в автомате сначала наливался сироп и поэтому требовалась сноровка, чтобы вовремя убрать стакан, а после опустить ещё три копейки и уже долить по полной. Пить нужно было сразу, пока вода ещё пузырится. Пузыри шипели, лопались, обдавая нос, брови и щёки щекотной влагой.

Я шла лёгкая, словно плыла в невесомости, едва касаясь подошвами серого асфальта. Пустая и хрупкая, как скорлупа. И такая же бессмысленная и никому не нужная.

Олимпиада прошла несколько лет назад, город снова запачкался и потрескался. В витринах гастрономов среди муляжей яблок, консервных банок и бутылок с томатным соком линияли в голубое плакаты с весёлым мишкой. На бетонных стенах домов так и остались висеть олимпийские кольца и транспаранты с таинственными заклинаниями, вроде «О спорт – ты мир!» или «Выше, сильнее, быстрее!».

Оказалось, что усердные оформители здорово переборщили с олимпийской символикой – логотип мероприятия

(при известной фантазии в нём угадывалась Спасская башня) был набит трафаретом повсюду. Он проступал сквозь сухую грязь на борту троллейбуса и на ограде детской площадки, на ржавых мусорных баках во дворе за продмагом и на стекле будки телефона-автомата. Активисты и дружинники продолжали донашивать бесплатную униформу – милицкого типа штаны и куртки из серой плащёвки. Разумеется, с неизбежным логотипом на груди.

Непонятно как я очутилась у кольцевой станции. Часы на столбе показывали одиннадцать утра. Я обошла вокруг здания метро. Это заняло всего четыре минуты. Из динамика на крыше ларька «Союзпечать» рычал Кобзон. К стеклу был приклеен портрет Горбачёва.

Незаметно утро перетекло в день. У метро было шумно и мне сначала нравилось болтаться среди спешки и суеты. На меня никто не обращал внимания. Беснаказанно я разглядывала прохожих, постового сержанта в портупее и с кобурой. От колонны он курсировал к ларьку «Союзпечати», оттуда к тележке с пирожками. Торговка, приткая, рыжая тётка в сальном фартуке, ныряла в бак и доставала оттуда насаженный на вилку пирожок. За пятак с повидлом. Или с мясом – за гривенник. В грязном вытоптанном скверике я познакомилась с воробьями. Мелкие и суетливые они дрались, клевали окурки, вступали в торопливые сексуальные связи.

Тут же на зелёной лавке изнывали алкаши, тяжёлые и засаленные, с лицами цвета копчёной камбалы. Среди них бы-

ла крупная женщина в солдатских сапогах. Разметавшись по скамье дебелим телом, она спала, приоткрыв рот и запрокинув голову. Сосед справа, задрав драную юбку и обнажив грязное толстое колено с кошмарной ссадиной, устало лапал её бледную ляжку. Он спросил у меня закурить, – я как раз проходила мимо, – спросил вяло и безнадежно, не отрываясь от дела. Я покосилась – его коричневая клешня мяла дряблое жирное тело как мнут тесто – и тут же отвернулась и быстро пошла в сторону зоопарка.

Через Волков переулочок свернула на Малую Грузинскую и направилась к Тишинке. Но не прямо, а змейкой – петляя по знакомым скверам, забредая в окрестные дворы. Растягивая и закручивая никчемное время в бессмысленный серпантин.

Переулочок тянулся вдоль бетонного забора, за ним был зоопарк. Ветер доносил дикий звериный дух, изредка оттуда долетали жутковатые звуки – то ли птиц, то ли зверей, томящихся в московской неволе.

Вон в той новенькой девятиэтажке обитали семьи гэбэшников, тут жил Сашка Ерохин из нашего класса, он уверял, что огромный белый шар на крыше их дома – это специальная антенна, которая ловит позывные советских разведчиков из Англии и Америки. Врал, конечно – ну как шар может быть антенной? Хотя шар бесспорно выглядел таинственно и напоминал гриб-шампиньон из страны великанов или инопланетный космический корабль. К слову, с нами учился странный мальчик Петриков, который видел летаю-

щую тарелку, когда гостил прошлым летом у бабки на Украине. Видел и пришельцев, коротышек с большими головами и круглыми как блюдца глазами. Петриков в детстве болел менингитом и вообще был с приветом, но насчёт инопланетян я ему верила.

В соседней башне из розового кирпича жили всякие знаменитости. Дом был новый, кооперативный, в вестибюле за столом с телефоном дежурила консьержка. В углу стояла настоящая кокосовая пальма в кадучке. Кооператив назывался «Художник-график». Но обитали тут не только богатые художники. Тут была квартира Высоцкого, именно в этой квартире он и умер. В этом же доме жил режиссёр Михалков, я однажды даже встретила его в булочной на Климашкина. На верхнем этаже под самой крышей находились мастерские художников. Кстати, в одной из них художник с весёлой фамилией Чижиков придумал своего олимпийского мишку. Говорят, за одну эту картинку он получил сразу десять тысяч и экспортную «Волгу». Другой художник, похуже, стал известен благодаря писателю Лимонову, который спал с его женой и во всех нюансах описал их блудливые соития.

Я прошла через аккуратный сквер с песочницей, качелями и круглой клумбой в пёстрых анютиных глазках, поднялась по крутой лестнице. Неожиданно возник костёл.

Он всегда появлялся внезапно – будто мираж. Словно некий кудесник шутки ради перенёс в московский двор готический собор из какого-нибудь Кёльна или Амьена. Насто-

ящий и в натуральную величину.

Тёмный кирпич, острые башенки с пиками, даже круглое окно с перепончатым витражом над главным входом – всё было безупречно настоящим. Собор окружала древняя железная ограда с кованными воротами. Тут чудо заканчивалось. Вывеска на воротах опровергала волшебную природу костёла, на ней с неоспоримым реализмом значилось «Научно-исследовательский институт Мосспецпромпроект». За оградой стояли ржавые контейнеры и валялись огромные катушки с телефонным кабелем.

От нечего делать я забрела на Тишинский рынок. Из хриплых динамиков над торговыми рядами неслись ласковые голоса дуэта «Модерн Токинг» – ты моё сердце, ты моя душа – что ещё нужно для счастья. Скучные ряды с картошкой и прочими корнеплодами сменились помидорами и огурцами. После пошли фрукты и ягоды. Тут по дощатым прилавкам были выложены старательные пирамиды яблок. Каждое яблоко, натёртое бархоткой до матового блеска, было повернуто к покупателю самым соблазнительным боком. Торговки предлагали с ножа дольки белого налива и мельбы, сочные, они слегка отдавали железом. Мимоходом я подцепила пару чёрных крупных вишен. Очень сладких – как выяснилось. Над солнечными горками медовых груш кружили осы, ленивые и пьяные от липкого нектара. Жилистый кавказец, чёрный как жук, ловко взрезал круглую дыньку и протянул мне сочащийся ломтик на острие хищной финки.

Дворами и задками, через скверы и детские площадки, я обогнула зоопарк и выбралась к планетарию. Он был закрыт. На двери белели кривые рукописные буквы – РЕМОНТ. Тут же были свалены пустые канистры из-под краски и рулоны грязного линолеума. Я обошла здание. Грохот Садового кольца доносился теперь отчётливо, как шум бурной реки.

Перед входом в планетарий был разбит садик (кривые липы, кусты сирени) с заброшенной клумбой и гипсовой фигурой пионера на постаменте. Пионер отдавал салют правой рукой, от левой осталась культия по локоть. Кто-то покрасил пионеру губы жирной малиновой помадой. Вокруг клумбы стояли неудобные скамейки и железные урны в виде стилизованных пингвинов. Металлические птицы жадно разевали пасти в ожидании порции мусора. В дальнем углу сквера, там где кусты сирени превращались в дикие заросли, происходила драка.

Два парня били третьего, четвёртый наблюдал покуривая. В белой шляпе, настоящей, как из ковбойского вестерна, он стоял чуть в стороне, сунув большие пальцы за широкий ремень с литой бронзовой пряжкой. Расставив ноги, он лениво покачивался на каблуках. Сапоги, с хищными носами, были из восхитительной вишнёвой кожи с узорным тиснением и бронзовыми заклёпками в виде звёздочек. Парень повернул голову в мою сторону.

– Извините, мы сейчас закончим.

Произнёс вежливо, почти учтиво, – и улыбнулся. Я рас-

терялась. Но не только от его тона и улыбки, он оказался неуместно красив. Точно кто-то вырезал артиста из американского фильма и вставил в пыльный сквер на Садово-Кудринской. У Ленки Дудник вся стена была уклеена такими красавцами. Она специально ездила в книжный на Горького и покупала там польские и гэдээровские журналы про кино, а после вырезала фотографии по контуру маникюрными ножницами и клеила прямо на обои. К десятому классу бумажные мужики уже доставали до потолка.

Те двое, которые колотили третьего, тоже устали на меня. Побитый закрывал лицо ладонями, он стоял сгорбившись – так в пантомиме изображают невыносимое горе. Я закусила прядь волос, дурацкая привычка осталась с детства, совать волосы в рот, когда смущаюсь. Ещё, чтобы скрыть смущение, я начинаю хамить. По скверу пробежал порыв ветра. Подхватил и понёс колючую пыль, зашуршал макушками сирени.

– Вы действительно шериф Краснопресненского района? – Я остановилась. – Кстати, да, шляпа – отпад.

– Стетсон, – поправил меня красавец ласково. – Шляпы у членов политбюро.

Он сделал затяжку и ловким щелчком отправил окурок через плечо. При ближайшем рассмотрении пригожесть кобоя зашкаливала. Словно его лицо кто-то старательно отретушировал и подкрасил – ресницы и брови, влажные губы, да ещё этот девичий румянец по всей скуле. Так четвёртая

ложка сахара превращает сладкий чай в сироп. И к тому же белозубая ухмылка – не может быть у советского человека таких зубов.

Теперь все смотрели на меня. Драчуны оказались мальчишками, может, чуть старше меня. Побитый разогнулся, отнял ладони от лица. У него кровила губа, по подбородку стекала тонкая красная струйка. Мы встретились взглядом. Это был мой дачный знакомый Алик Купер.

– Ворона? – Купер тронул скулу и сморщился. – Ты?

Пожар, ночь, мотоцикл – мы с ним явно подумали об одном и том же. Той ночью я вернулась на дачу, но заснуть так и не смогла. Не могла ни лежать, ни сидеть – меня так и трясло от избытка адреналина. Это было похоже на припадок. А чуть свет, с первой электричкой, я уехала в Москву.

– Знаешь его? – поинтересовался ковбой у меня.

– Нет, – я мотнула головой и пошла в сторону Кольца.

– Погоди...

– Ну?

– Минутку... – ковбой подмигнул мне и с размаху пнул Купера ногой. Точно в промежность. Тот беззвучно разинул рот, вытянулся, как солдат, и тут же сложился пополам – будто сломался посередине.

Острота боли от удара ногой в пах мне неведома (хоть тут природа смиростивилась над женщиной), но мерзость ситуации была очевидной: трое били одного, к тому же последний удар был нанесён явно в мою честь. Конечно, я должна

была тут же развернуться и уйти.

Как же мы любим, оглядываясь в прошлое, прикидывать альтернативные маршруты жизни – а что со мной стало бы, если бы на той развилке я выбрала другую тропинку? Или не встретила этого человека – ведь, господи, то была совершенно случайная встреча. И как бы сложилась вся моя жизнь? Ведь могло же быть всё совсем иначе: белоснежные яхты, а не кухня три на четыре с его мамашей, да и какого чёрта я тогда попёрлась к нему, ведь он мне и не нравился вовсе, этот Ермаков из второго подъезда. Все эти судьбоносные случайности, развилки и повороты, вся зыбкость и непредсказуемость будущего – полная чушь. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет. По себе знаю.

Тогда, у планетария, я развернулась и ушла. Но на принципиальную композицию моей судьбы это не повлияло ничуть.

Ещё древние греки знали – что предначертано, то и сбывается. Нить жизни прядут три сестры, три Мойры: старшая, Клото, следит за неотвратимостью участи, средняя, Лахесис (эта, несомненно, самая остроумная) отвечает за случайности в нашей жизни, младшая, Антропос, решает, когда обрезать нить. К слову, в «Фаусте» автор перепутал сестёр, вручив старшей Клото роковые ножницы смерти. Сёстры не подчиняются никому, даже богам Олимпа. Ещё бы – они дочери самого Зевса и богини ночного мрака Нюкты. Решение Мойр окончательно и обжалованию не подлежит. Дру-

гими словами – изменить свою участь невозможно.

Однако, получить информацию о своём будущем особого труда не составляет: плывёшь в Дельфы, там на склоне горы Парнас стоит храм Аполлона, приём посетителей круглосуточно. Платишь по прейскуранту – это жрецам, нужно ещё принести жертву хозяину храма – Аполлону. Через пару часов получаешь бумажку с ответом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.